

Отдел исторической антропологии и истории повседневности

Редколлегия альманаха «Одиссей. Человек в истории»

Институт всеобщей истории РАН

Тезисы конференции

**СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
НА ЯЗЫКЕ МЕТАФОР**

26-27 апреля 2021

Москва, 2021

День 1.

26 апреля 2021

Кравцова Елена Сергеевна (СПБНИИ РАН).

Образ тела Франциска Ассизского во «Втором жизнеописании»

Фомы Челанского 1247 г.

XII-XIII вв. - время трансформации западноевропейского общества, его социальных и политических институтов, экономики. Эта трансформация отражалась в текстах, как созданных монахами в монастырях, удаленных от мира и его страстей, так и написанных монахами нищенствующих орденов, постоянно совершавшими выбор между созерцательной и активной жизнью, непосредственно участвующими в переустройстве мира.

«Второе житие Франциска Ассизского», созданное меньшим братом Фомой Челанским в конце 40-х гг. XIII в. для внутреннего чтения во Францисканском ордене, описывает общество (рыцарей, врачей, крестьян, горожан, клириков, аббатов, римских понтификов и т. д.), в которое вторгаются и с которым взаимодействуют минориты во главе с основателем ордена.

«Инструкция» по приведению общества к миру, справедливости и порядку, посредством воздействия на него францисканскими добродетелями и эмоциями (*affecti*), метафорически представлена образом тела Франциска. Концепты «глаз» и «ушей» задействованы для осмысления мира, интеллектуального познания окружающей действительности; «руки» и «ноги» напоминают о жертве Христа и о стигматах, которыми Франциск был удостоен за совершенное подражание Христу, а также о таинстве евхаристии, объединяющей христианскую общину в единое целое пред лицом Бога в стремлении к Спасению (концепт «крови»); «чрево» - для создания внутреннего пространства Ордена, находящегося под особым покровительством Франциска-матери. Находясь внутри символического тела Франциска, братья защищены от пороков и страстей, которые представляют образы Люцифера и его слуг, бесов. И пороки, и страсти зачастую вводятся в текст концептами частей тела (например, «горб»).

Исследование инструментов систематизации информации, которыми пользовался Фома Челанский, позволяет перейти к более широким выводам о реализации стратегий, данных в текстах, на практике, в исторической действительности.

Русанов Александр Витальевич (НИУ ВШЭ).

Образы и метафоры западноевропейских ученых сообществ в XIII–XIV вв.

В докладе будут рассмотрены метафоры, применявшиеся для (само)описания ученых сообществ, в первую очередь университетов, в кон. XIII–XIV вв. Будет показано, как с помощью ряда метафор члены академических сообществ, создатели новых социальных феноменов, не имевших описания в более ранней правовой традиции, стремились их объяснить и легитимировать. «Метафорический словарь» учёных корпораций, сложившийся в рамках *Ars Dictaminis* и других риторических традиций в XII–XIII вв., широко использовался, в первую очередь, для обоснования статуса университетских сообществ. Эти метафоры могли существенно дополнять и пояснять зачастую размытые правовые концепты, описывавшие ученые сообщества (*studium/studium generale, universitas, schola*). Наиболее распространенные образы высшей школы – источник света знания, сокровище/сокровищница знания, крепость/оружие, защищающее истинную веру, мастерская, где работают знатоки мистического красноречия – не только имели глубокие корни в Священном Писании и Предании и других источниках канонического права, но и отсылали к «образцовым» текстам наиболее авторитетных университетов (Болоньи, Парижа, Тулузы). На их опыт ориентировались, их привилегий стремились достичь основывавшиеся во 2-й пол. XIII – XIV вв. высшие школы. Таким образом, метафоры становились не только инструментом осмысления членами академических сообществ своего места в обществе, но и частью их риторических стратегий в диалоге с представителями светской и церковной власти, что отражено в правовых документах, рассматриваемых в докладе. Среди этих документов – папские буллы, королевские грамоты, прошения, уставы, относящиеся к иберийским и итальянским университетам Перуджи, Льежы, Саламанки, Лиссабона.

Бычков Павел Сергеевич (ИВИ РАН).

Метафора человеческого тела как способ описания социального в «Книге политического тела» Кристины Пизанской

Применение метафоры тела в сочинениях о государстве и политике – возможно самая популярная стратегия осмысления сферы политического в Античности и более позднее время. Позаимствовав телесную метафорику у Аристотеля и Эзопа и через интерпретацию посланий апостола Павла придав ей более христианский характер, средневековые авторы активно используют метафору человеческого тела в своих сочинениях для описания политических структур, пока она, наконец, не приобретает свою окончательную форму в трактате Иоанна Солсберийского «Поликратик».

Если многие авторы политико-философских трактатов лишь воспроизводили идеи «Поликратика» и его предшественников, то «Книга политического тела» («*Livre du corps*

de policie») Кристины Пизанской, используя старый метафорический язык, привносит новые идеи ответственности государя перед подданными, становясь таким образом первой работой в новой цепи политических трактатов вплоть до Гоббса и Руссо. Пользуясь уникальным положением, которое Кристина приобрела благодаря своему происхождению и событиям ее биографии, она не только анализирует и обобщает современную ей политическую ситуацию, но и, возможно, надеется воздействовать на ход событий посредством своих произведений.

В этот период существовала потребность в консолидации общества, так как «Книга политического тела» создавалась в годы наибольшей государственной и церковной нестабильности во Франции: на фоне конфликта между герцогами Бургундскими и Орлеанскими, безумия и недееспособности монарха, а также вражды между авиньонским папой Бенедиктом XIII и римским Григорием XII. Однако для того, чтобы выразить новые концепции, необходимо было прибегнуть к определенной терминологии, которая появится лишь много позже. Для своих целей Кристина избирает метафору, традиционно употребляемую для подтверждения прав монарха на неограниченную власть в своем домене, но кардинально меняет ее смысл.

Лучицкая Светлана Игоревна (ИВИ РАН).

Тело, шахматы, колесо: метафоры общества в позднее Средневековье

Цель доклада заключается в том, чтобы описать и интерпретировать изображение общества и его системы ценностей в нескольких текстах дидактической литературы XIII-XV вв. Акцент делается на вопросе о том, как в этих сочинениях изображались новые социальные и профессиональные группы эпохи позднего Средневековья, когда общество стало более сложным и дифференцированным. Автор задается вопросом о том, в какой степени возникновение новых метафор общества было связано с ломкой традиционных принципов конструирования социального. В основу доклада положены тексты шахматных трактатов Якоба Меннеля, Конрада фон Амменхаузена, Якопо ди Чессоли и др.

Попова Галина Александровна (ИВИ РАН).

«Старая метафора» в «новых условиях»:

термин «братство» в леоно-кастильских средневековых текстах

В докладе на примере текстов, созданных в Леоно-Кастильском королевстве в XIV-XV вв., будут рассмотрены два вопроса.

Во-первых, я постараюсь показать, что при обозначении социальной связи определенного типа термин «братство» (*hermandad, cofradía*) функционирует как метафора и утрачена эквивалентность социального и кровного родства (как одна из характеристик классификационных систем родства по А.Р. Рэдклифу Брауну и в

функционализме). А во-вторых, попытаюсь определить, какую социальную действительность люди воспроизводили, используя слово «братство» для обозначения той или иной группы, какого рода социальные связи объяснялись таким образом.

Жанр источников – в основном юридические тексты.

Щеглов Андрей Джолитардович (ИВИ РАН).

Социальные категории и социальные метафоры в средневековых шведских хрониках

Тема доклада – типы социальной идентификации жителей Шведского королевства XIII–XVI вв., раскрывающиеся через понятия и образы в источниках на древнешведском и латинском языках (хроники, законы и др.). Большой интерес представляют термины, связанные с происхождением и местом жительства («Швеция» и «Финляндия» в различных (широких и узких) значениях, «швед», «уроженец такой-то области»); 2) социальное деление в средневековых категориях («высокий – низкий», «свободный – несвободный» и др.); 3) древнешведские обозначения должностей и социальных слоев и их латинские эквиваленты; 4) духовенство и миряне в средневековых категориях и метафорах, например: «ученые – миряне», «правая и левая рука», «солнце и луна». Цель: выяснить, в какой мере источники позволяют уточнить традиционные описания социума средневековой Швеции.

Браун Елена Давыдовна (РАНХиГС).

Мечта об идеальном обществе:

социальные категории в 'Истории Ричарда III' Томаса Мора

Исследователи давно доказали - «История Ричарда III» Томаса Мора – не историческое, а философское, морализаторское сочинение. Бесспорно, главное место в нем занимают рассуждения об ужасах тирании и роли морали в политике. Однако, этим его содержание не исчерпывается. Вне поля внимания историков обычно остается один крайне любопытный факт. Томас Мор не просто писал о том, каким должен (или не должен) быть «добрый король». На страницах своей «Истории» он создал своеобразную квазиреальность – идеализированную картину политической борьбы (например, Мор полностью исключил из истории Войн Роз Маргариту Анжуйскую и до крайности преувеличил роль парламента) и не менее идеализированный образ социума, в котором эта борьба разворачивалась.

Цель доклада – проанализировать, каким Томас Мор увидел английское общество второй половины XV в. В «Истории» ожидаемо не упоминаются крестьяне, ведь речь идет о большой политике. Если выстроить остальные социальные группы по иерархии,

имея в виду моральные качества, интеллектуальный уровень, а также степень политического и финансового влияния их представителей, то на первом месте окажутся... «жители славного города Лондона» - купцы и ремесленники. В интерпретации Томаса Мора аристократы постоянно ищут одобрения горожан, они вынуждены согласовывать с ними каждый по-настоящему важный шаг. Нобилитет в «Истории» куда более легковверен, к тому же, аристократы склонны преследовать свои личные интересы; горожане, напротив, заботятся об «общем благе». Коллективный портрет духовенства (его условно можно поместить на третье место) также оказывается крайне амбивалентным. Нижнюю ступень нарисованной Мором социальной иерархии занимают свитские дворян и их слуги, описанные скорее негативно. Прелесть этот коллективного портрета в том, что Мор не излагал свои взгляды открыто – образы проступают только если всмотреться в детали. Иными словами, великий гуманист внешне не посягал на традиционные модели, но на деле заметно отклонялся от них. Мне кажется, что, помимо прочего, здесь мы имеем дело с общеизвестным психологическим феноменом – на рубеже Средневековья и Нового времени, как и в наши дни, каждая социальная группа считала именно себя «солью земли» и центром мироздания.

Пименова Людмила Александровна (МГУ).

От древа монархии к Нации: использование метафор во французском политическом дискурсе раннего Нового времени

В докладе предполагается рассмотреть обращение к языку метафор в трактатах французских правоведов от конца XVI до конца XVIII в., а также визуализацию использованных в них метафор. Доминировавшей ранее концепции монархии как единого «политического тела» соответствовало описанное и визуально представленное «дерево монархии» из «Слова о сословиях и должностях» Ш. Фигона (1579). Ее постепенно вытесняет концепция «общества рангов», которая с трудом поддается визуализации. Пытаясь образно представить иерархическую соподчиненность и порядок в обществе, Ш. Луазо в «Трактате о сословиях и простых должностях» (1610) уподобляет его армии с царящей в ней субординацией. Авторы XVIII в. часто выражали сомнения в возможности использовать метафоры как средство адекватного описания и, тем более, познания действительности, признавая возможность употреблять их как риторический прием. В это время центральное место в рассуждениях об обществе занимает категория нации, которая мыслилась либо как единое целое, либо распадалась на ранги и сословия. Те и другие образы нации представлены в иконографии в виде женских и мужских фигур, олицетворяющих нацию в целом или отдельные ее сословия.

«Обратная» метафора корабля: через социум к метафизике

Метафора корабля как образ общества/государства, ведомого умелым капитаном/мудрым правителем воспринимался в российской культуре XVIII в. как хорошо известный культурный мем. В трактате А.Т. Болотова (1738-1833) «Путеводитель к истинному человеческому счастью» он используется для иллюстрации и объяснения сложной метафизической проблемы. С помощью этого образа Болотов пытается объяснить процессы, происходящие в человеческой душе, борьбу рационального с чувственным, «мыслей и желаний», «разума и произвола». Болотов использует весь спектр социальных характеристик и применяет их к различным душевным структурам. Поступки человека, его образ жизни являются результатом действия его «внутреннего социума», слаженной работы корабельной команды, ведомой капитаном-разумом к великой цели, – добродетельной жизни и обретению блаженства и покоя.

Обычные пневматологические модели эпохи Просвещения ограничивались двумя проблемами: бессмертия души и взаимодействия души и тела, относя вопрос о том, как устроена сама душа к слишком сложным и даже неразрешимым. С помощью корабельной метафоры Болотов преодолевает это ограничение. Корабль — это тело, а душа — это центральная часть корабля, которую он называет «каютом». Именно оттуда исходят импульсы, управляющие кораблем, определяющие его правильный путь и безопасность в бурном море. Пространство «каюта» наполнено мыслями и желаниями, которые находятся в постоянном движении, развитии, взаимоподчинении, гармонии или же конфронтации, доходящей до прямых столкновений.

Болотов объясняет структуру души через систему социальных концептов, приписывая ее элементам сословно-классовые характеристики, а также наделяя их «естественными» правами. «Социальные» взаимоотношения внутри души, как и в государстве управляются и регулируются министрами, прокурорами, верховное же управление находится в руках государя. Душевная гармония время от времени нарушается «мятежами и беспокойствами», в ней происходят «замешательства и беспорядки» доходящие до смены власти, когда «верховная власть природных и законных правителей похищена многими усилившимися бунтовщиками и злодеями» от чего происходят настоящие войны.

Не будучи академическим ученым, А.Т.Болотов, как и другие представители дворянской интеллектуальной элиты, часто использовал метафоры, аллегории и даже эмблемы для осмысления сложных теоретических проблем, формируя систему образов-концептов, позволяющих ему ставить и разрешать «основные вопросы» своей эпохи.

День 2.

27 апреля 2021

Королев Александр Андреевич (ИВИ РАН).

Невеста-Луна и ее святые дети в представлении ранних христиан

Для христиан I–III веков, находившихся в напряженных отношениях с греко-римским обществом, было важно обосновать существование своих сект и осмыслить действительность, нередко пугающую и жестокую. Опираясь на иудейскую традицию и одновременно подвергаясь влиянию античной культуры, христиане рассматривали себя как сообщество избранных, которое со временем должно было распространиться на всех людей. Христианские общины («церкви»), разбросанные по городам и селениям империи, считались частями единого целого — всемирного («вселенского») сообщества, которое было основано самим Христом (Мф 16.18–19; 18.17–20). Во II веке начала развиваться идея «предсуществования» церкви — сонма святых, основанного Богом перед началом времен (2-е послание Климента, «Пастырь» Гермы). Благодаря этому получила новый импульс символическая экклезиология, использовавшая павловские метафоры, переосмысленные в философско-мистическом ключе. Церковь соотносилась с Христом-Логосом как светлое и темное, активное и пассивное начала (солнце и луна, день и ночь и т. д.). Особую популярность приобрело отождествление Христа и церкви с мужским и женским началами: невеста проходит через тяжкие испытания, чтобы стать совершенной и в конце времен воссоединиться с женихом. Парадоксальным образом невеста рассматривалась в то же время как тело Христа, которое включает всех верующих, поэтому она была матерью всех христиан или вообще всех людей (образ «девы-матери» появляется в послании Лионских мучеников: Euseb. Hist. eccl. 5.1.45). Земная, «историческая» или «эмпирическая», церковь существует одновременно с небесной церковью, «идеальной» или «духовной», является ее воспроизведением и составляет с ней единое целое. Эта мысль подкрепляла учение об «общении святых» (communio sanctorum), членов небесной и земной церквей. Описывая идеальную структуру небесной церкви, христианские авторы (Герма, Тертуллиан, Ипполит) не просто воспроизводили структуру земной церкви, но создавали своеобразную иерархию «небесных христиан», руководствуясь критериями нравственного совершенства и «харизм», определявших место каждого христианина в сообществе святых. Христиане осознавали расхождения между действительностью и религиозно-философскими спекуляциями, но надеялись, что эти противоречия будут сняты в конце времен, когда Бог соберет свою церковь «от четырех ветров» в своем божественном мире (евхаристические молитвы в «Дидахе»).

**Метафора семьи в византийской литературе IX–X вв.:
«отцы» и «дети» в легенде об Арсении Великом и в Житии Василия Нового**

В докладе анализируется социальное явление наставничества, изображенное в византийской литературе с помощью метафоры семьи. Рассматриваются два художественно-исторических произведения: легенда об Арсении Великом, которая приводится в компилятивной Хронике Георгия Монаха, и замечательный константинопольский памятник эпохи Македонского возрождения — Житие Василия Нового.

В Хронике (1-я редакция – не позднее 847 г., 2-я редакция – после 872/3 г.) рассказывается об Арсении как учителе сыновей императора Феодосия Великого Аркадия и Гонория; пригласив Арсения в качестве учителя, Феодосий провозглашает его «отцом» для себя и своих детей и делегирует ему полную власть над ними, вплоть до физической расправы. Подростковый бунт Аркадия против «отца», приведший к бегству Арсения в Египет, через много лет сменяется раскаянием Аркадия и просьбами о прощении обоих «детей» Арсения.

В Житии Василия Нового (середина – вторая половина X в.) описывается социальная группа людей, объединенных под началом духовного «отца» — преподобного Василия. В нее входят любимое «дитя» Василия рассказчик Григорий, «сестра» Василия — старая служанка вдова Феодора, «брат» Григория «не по плоти, а по духу» Юлиан, другие ученики. Все они жители Константинополя; их «домом» служит жилище Василия, их объединяет любовь друг к другу и почитание своего учителя. Григорий беспрекословно подчиняется «отцу» и обращается к нему при каждом затруднении; в свою очередь, «отец» руководит действиями своего «дитяти», разъясняет сложные вопросы, выполняет его просьбы и обеспечивает защиту на земле и на небесах.

Делается вывод о том, что архетипический образ «отца» в обоих памятниках основан, с одной стороны, на римских социальных и юридических реалиях (*pater familias*, сосредотачивающий в своих руках всю полноту власти над «домом»), а с другой — на разветвленных евангельских коннотациях «отцовства»; образ духовной «семьи», имплицитно противопоставленной кровным родственникам, в свою очередь, отсылает к евангельскому пониманию терминов родства («отец», «сын», «братья») и, возможно, к практике тайных духовных союзов в Древней Греции (таких, как пифагорейская школа).

**Визуальная метафора средневекового социума на русских иконах
«О Тебе радуется» конца XV–XVI в.**

Иконография «О Тебе радуется» начала распространяться на Руси в конце XV – начале XVI в. Своей популярностью в то время она отчасти была обязана творчеству знаменитого иконописца Дионисия и мастеров его круга. Это были одни из первых русских икон с «многолюдным» сюжетом, литературной и богословской основой которого стало песнопение Иоанна Дамаскина «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Архангельский собор и Человеческий род...» из Октоиха. На иконах изображена сцена прославления Богородицы с младенцем, сидящих на троне на фоне заключенного в круг многоглавого собора, символизирующего Царство Небесное, ангелами и святыми.

В последнее время иконы «О Тебе радуется» часто привлекают внимание искусствоведов. В том числе, уделяется внимание анализу и интерпретации их иконографии. Но группа персонажей в нижней половине композиции, изображающая «Человеческий род», до сих пор не подвергалась детальному разбору. При этом при внимательном рассмотрении становится очевидным ее подчеркнутое разделение на две подгруппы (духовенство и миряне). Внутри них также выделяются небольшие группки представителей разных социальных категорий: церковные иерархи, священнослужители, монашествующие, юродивые, «цари», знать, верхушка городского социума. Здесь изображены мужчины, женщины и даже дети. Подразумевается, что все они являются святыми (в данном случае неназванными). Но, в то же время, их дифференциация, в том числе, подчеркнутая одеждой и некоторыми характерными атрибутами, в значительной степени отражает существовавшую в то время социальную структуру.

Данный доклад предполагает анализ изображения «Человеческого рода» на нескольких иконах конца XV–XVI в. в качестве метафоры русского средневекового социума. Хронологическое ограничение анализируемого материала связано с тем, что в более позднее время дифференциация этой группы персонажей икон «О Тебе радуется» уже не была выражена так ярко и отчетливо.

Харман Дильшат Догановна (РГГУ).

**"Жирная кухня" и "Бедная кухня" Питера Брейгеля Старшего как метафора
нидерландского общества XVI века**

В XVI веке в искусстве Северной Европы все чаще изображаются кухня и процесс готовки. Эти изображения появляются на стыке интереса к бытовому жанру и поисков

новой религиозной иконографии. Противопоставление образов жирной и бедной кухни становится удачной метафорой для противопоставления скупых и расточительных, как двух типов осмысления отношения к деньгам и земным благам в обществе. Эта визуальная метафора впервые вводится Питером Брейгелем Старшим (ок.1525 - 1569) и затем, на протяжении XVI-XVII вв. неоднократно повторяется (в копиях с его гравюр или в оригинальных работах на ту же тему). В докладе будет проанализирован визуальный язык оригинальных гравюр Питера Брейгеля Старшего и на его основании предложено их прочтение как пародийных отсылок к иконографии Тайной вечери, очевидных для зрителей XVI-XVII вв. Одновременно с Брейгелем тему кухни и готовки в живописи разрабатывали Питер Артсен (1508 - 1575) и Иоахим Бейкелар (1530 - 1573/74), но у них она обогащает традиционную иконографию сюжета "Христос в доме Марфы и Марии". У Брейгеля же изначально религиозный сюжет - "Тайная вечеря" - становится основой для нового, карикатурно-бытового, являющегося полноценной метафорой нидерландского общества.

Махов Александр Евгеньевич (РГГУ, ИМЛИ РАН)

Стоицизм и его метафоры в книжной эмблематике Раннего Нового времени

Стоический мудрец – одна из центральных фигур в книгах эмблем XVI – XVII вв., отразивших весь набор моральных и социальных идей стоицизма, который, будучи обновленным и инкорпорированным в христианское вероучение, получает в это время широкую популярность. Эмблематика, представляющая собой своего рода «инструмент по производству метафор», как визуальных, так и словесных, находит для основных стоических концептов (таких как добродетель, бесстрашие, постоянство, терпение и пр.) чрезвычайно разнообразные метафорические эквиваленты, где в качестве означающих могут выступать и неодушевленные предметы (печь, щипцы, арфа, наковальня, куб, весы), и сущности живого мира (пальма, цикада, горлица, птица Феникс, зимородок). Переосмыслению в духе стоического учения подвергаются и некоторые традиционные метафоры, восходящие к античной традиции (например, платоновское сравнение человеческой души с возничим и парной упряжкой). Метафоризируются и два противоположных полюса социального учения стоиков: с одной стороны, идеал самодостаточного, замкнутого в себе мудреца (чаще всего уподобляемого в эмблематике скале), а с другой – идеал социальной гармонии и всеобщего равенства, основанный на представлении о «взаимозависимости разумных существ» (Э. Целлер). Социальное согласие метафоризируется в образах часов, весов, корабля, лютни.

Парамонова Марина Юрьевна (ИВИ РАН).

Панславизм, единство, славянофильство:

социальные метафоры или категории историко-политической рефлексии?

Панславизм – один из самых неопределенных и расплывчатых терминов в научном, публицистическом и политическом дискурсе второй половины XIX – первой половины XX вв. С одной стороны, он обозначал широкий спектр романтических рассуждений о минувшем и грядущем единстве славян, их исторической миссии как единой культурной, социальной и духовной общности. С другой стороны, прочно соединялся с представлением о конкретных политических и идеологических программах, связанных с достижением практических интересов конкретных государств или народов (Российской Империи, СССР, австрийских славян сербов и т.д.). В большой степени, этот термин близок метафоре, как выражение разнообразных смыслов и интересов, предполагаемых как теми, кто себя с ним идентифицировал, так и теми, кто определял с его помощью своих оппонентов.

Шемякина Ольга Дмитриевна (МГУ).

Расширение границ социального тела: о возможности обретения «своих» в «чужом», ненашем царстве

Логика отчуждения от всего того, что принадлежит «чужому миру», выражающаяся через употребление формы множественного числа со значением однородного множества и стертой индивидуальности, является полем исследования филологов, изучающих семантику «чуждости» (*А.Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике*). Чужие предметы и предметно воспринимаемые живые существа образуют единую в своей кишасей слитности враждебную массу. Убедительные выводы коллег, дружественного историкам дискурса, изучающего литературный процесс и его тексты, могут стать, на мой взгляд, дискуссионными при обращении к устному народному творчеству, которое сохраняло примитивные архаичные черты слитного сознания, отождествляя космос и общество в тотеме (*О.М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра*). Метафоры чуждости в этом типе сознания вбирают в себя равенство образов, сливающихся друг с другом и переходящих друг в друга. Основанием для слитности было их генетическое равноправие, что давало возможность обнаружить в другом, непохожем, зооморфном и пространственно удаленном, присутствие своего. Например, дублеров своего социального тела, «другой дружины» в телах мифических существ (*Н.В. Брагинская. Кто такие мирмидонцы?*). Роевое, кишасее множество, вызывающее страх, дрожь и трепет может быть интерпретировано не как безразличное множество, а как метафора силы. Мирмидонцы, подобно рою, стае, толпе, текут, роятся, т.е. сам характер движения

предполагает, что оно шире и неохватнее для человеческого глаза, и в этом их сила – это неисчисляемое, непонятное в своих границах множество двойников-дублеров, готовых прийти на помощь друзьям-друзинникам. Как представляется, возможно, проведение подобной аналогии с мифологическим персонажем русских былин, обладателем оборотнических свойств Волхом Всеславичем и его дружиной, сокрушивших Индейское царство.

Петухова Александра Павловна (МГУ).

**Метафорический ряд в текстах русских консерваторов к. XIX – н. XX вв.:
что дает историку лингвистический анализ**

Вторая половина XIX века в России – время напряженной рефлексии по вопросам самоидентификации. Старый порядок или революция, «особый путь» или следование западным образцам, имперское многообразие или национальное государство – привычные категории переоценивались и наполнялись новыми смыслами. Это время маркирования своих и чужих – в социальном и национальном, в политике и экономике.

Переход от традиционного общества к модерному зачастую сопровождается катаклизмами и это делает коммуникацию особенно острой. Это первый опыт политической борьбы и пропаганды, осознанного применения приемов манипуляции общественным мнением – что особенно хорошо видно на массовом материале.

Пресса стала тем пространством, где указанные процессы находили свое непосредственное воплощение, различные языковые приемы выступали с одной стороны, инструментом речевого воздействия на аудиторию, а с другой – невольно подсвечивали те или иные свойства мышления говорящего. Наиболее ярким таким приемом было использование метафор.

Согласно знаменитой формуле Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «метафоры определяют сознание», и потому не только позволяют выявить осознанные намерения говорящего, но и красноречиво свидетельствуют о специфике мышления самих авторов. На материале консервативной прессы к. XIX – н. XX вв. хорошо видна значимость «физиологических», семейных/родственных метафор при описании проблем национальных окраин и бытия русского народа как отдельной нации. В теории метафор именно природные и физиологические образы (болезни и здоровья, света и тьмы, смен времен года) относятся к архетипическим и несут мощный эмоциональный заряд. В этом качестве они не только содержат колоссальный потенциал с точки зрения пропаганды любой идеологии, но и дают ключ к важнейшим подсознательным интенциям автора анализируемого текста.

Инструментальный характер использования языковых средств в корпусе консервативных текстов также четко прослеживается при анализе «естественно-научных» метафор.

Анализ метафорического ряда на массовом материале позволяет получить принципиально новую информацию о специфике сознания консервативных авторов, их самоидентификации и трактовке различных аспектов развития страны, а также идеологической борьбе в период поздней Империи.